

В 24 года она бросила все и уехала из Москвы в никуда. В город, куда наведывалась до этого всего раз, где ни квартиры, ни друзей... Но был он — красивый, интеллигентный... 30-летний женатый мужчина с маленькой дочкой. Они прожили вместе без малого 45 лет. Отказавшись от карьеры актрисы и рождения ребенка, она посвятила ему всю свою жизнь. А для него всегда главным был театр. Она — это Людмила Шувалова, он — Владислав Стржельчик.

ТАТЬЯНА ПЕТРОВА, АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВ (фото)
Санкт-Петербург—Москва

Расписались только через много лет

— Это было в июне 1950 года в Сочи, — вспоминает Людмила Павловна. — Я отдыхала, БДТ там гастролировал. Владик уже был ведущим молодым актером, а театр имел сумасшедшую популярность. Нас познакомили, мы стали встречаться. Я только закончила училище, и мне было лестно его внимание. Говорил он в основном о театре. Но между прочим заметил, что женат и семейная жизнь не ладится. Я не придала этому значения. В Москве меня ждал человек, который хотел на мне жениться...

Однако уже через полгода я переехала к нему в Ленинград. Сейчас даже сложно представить, что это произошло со мной! Какое-то наваждение... Представляете, что значило раньше потерять московскую прописку? К тому же меня только приняли в Театр Гоголя. Но я вдруг поняла, что хочу быть с этим человеком... И хотя папа был категорически против моего отъезда, работая в отделе культуры в Совмине, помог сделать мне перевод в БДТ. А провозная, сказал: «Будет трудно — не медленно возвращайся».

Конечно, меня смущало, что Владислав Игнатьевич женат. Но со временем я поняла, что первая его супруга была далека от театра и вела свою жизнь. Думаю, поэтому произошел разрыв. Мне казалось, Владика очень плохо оттого, что его не поняли. В БДТ нам пошли навстречу — дали комнату в общежитии, хотя мы не были расписаны, а Стржельчик не разведен. Однако все же пытались влезть в нашу жизнь: парторганизация, комсомол...

— Вам сразу дали какие-то роли?
— О чем вы говорите? Это теперь молодежь сразу требует Гамлета! Владик закончил студию при БДТ, театр растил его для себя. А я кто такая? С улицы пришла туда, где блистали свои звезды. Начала с массовки. Но и

вдова Владислава стржельчика
людмила шувалова:

Я знаю, что такое ад

потом не заняла положения, достойного актрисы БДТ, всю жизнь посвятив мужу.

— Отказывались от ролей?

— Бог с вами! Мне просто их не давали. Театр — жестокая вещь. Ему нужно принадлежать на сто процентов! Я бы не отказалась ни от одной роли, но в театре сразу видно, чем человек дышит. Все знали, что для меня главное — Владик. После репетиций я стремглав бежала домой, чтобы приготовить ему обед...

Несмотря на то, что расписались мы только через 7 лет, у меня не было комплекса незаконной жены. Мне было хорошо с ним, и я никогда ничего не требовала. Хотя он был совсем не простой человек — уже был избалован успехом. Через три года — в возрасте 33 лет! — получил заслуженного. В те времена! У-у-у, что вы, это было чудо! Однако при всем своем благополучии внутренне он был очень незащищен и нуждался в поддержке.

На ребенка меня бы уже не хватило

— Вы ездили с Владиславом Игнатьевичем на гастроли?

— Всегда. У меня от него даже писем нет. Если вдруг он ехал один — звонил по несколько раз в день. Казалось, прощаясь: жива я или нет. Или ревновал. Особенно в молодости. Ко мне приезжали из Москвы друзья, подруги, мы встречались, скажем, в Мариинке и тут же бросались друг другу в объятия. Владик неистовствовал: «Кто такой? Почему поцеловал? Откуда ты его знаешь?»

— Разве красавца Стржельчика не одолевало поклонницы?

— Наверное, у меня такой характер — я даже в молодые годы не ревновала. Мне вообще кажется, нет мужчины, который бы всю жизнь был верен одной женщине. У нас с Владикой было главное — театр, в котором я помогала ему жить. — Ходили легенды, что он всегда был одет с иголочки, а ароматы ду-

хов, исходившие от него, сводили женщин с ума. Он мог сказать, что вы купили ему не ту рубашку, не тот галстук?

— Никогда. Во-первых, потому что мы покупали все вместе, а во-вторых, он даже не знал, какой галстук нужен к какой рубашке и какие носки. Не знал, где взять вещи, хотя много лет они лежа-

Мне было хорошо с ним, и я никогда ничего не требовала. Хотя он был совсем не простой человек — избалован успехом.

ли на одних и тех же полках. «Дай платок». — «Возьми в шкафу». — «А где?» Ему это было не нужно. А я никогда никому не могла уехать — он не пожарил бы себе даже личинку. Мы жили театром, говорили о нем с утра

до вечера. Поэтому я считала, что если есть у него на стороне выплески души — пусть будут. Главное-то было дома, со мной. Если б почувствовала, что он может уйти, наверное бы, заволиновалась.

— Боролись бы?

— Не уверена. Наверное, я гордый человек — не стоит опускаться до унижений борьбы с кем-то... А потом у меня перед глазами всегда стоял потрясающий пример первой супруги Мравинского. Когда мы с Владикой купили дачу на Красном озере, она оказалась нашей соседкой. Интеллигентная пожилая женщина, от которой в 60 с лишним лет ушел муж. Понятно, что ей было и больно, и обидно — разрушен дом, в котором прожито много лет. Но с каким достоинством она несла эту трагедию! Ни перед кем не унижалась, не жаловалась, о Мравинском говорила только в превосходной степени. Никому и в голову не приходило ее жалеть. Она сумела остаться бывшему мужу другом.

У Владислава Игнатьевича с первой женой так не получилось — видимо, они были друг другу чужими. Когда мы стали жить вместе, я всегда старалась его дочке что-то купить. Но Стржельчику не разрешали с ней встречаться.

— Вы никогда не жалели потом, что не родили ребенка?

— Нет, это было сознательно. Мы с Владиком были в Ленинграде одни. Папа мой уже умер, мамочка после инсульта — в тяжелом состоянии. Брат только закончил школу, и Владика помогал ему и маме. Рассчиты-

Беда началась с «Макбета»

— Многие актрисы не рожают, всю себя отдавая театру. Но у вас и актерская судьба не сложилась...

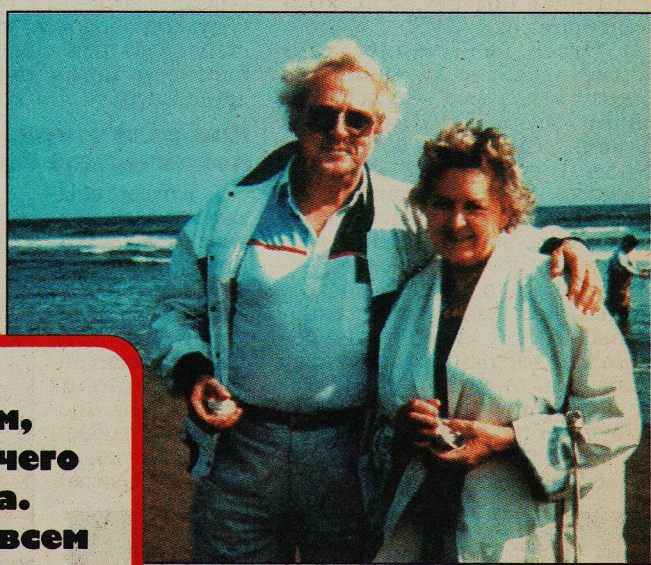
— На каком-то этапе вдруг поняла, что никогда бы и не заняла в театре высокого положения. Рядом были другие актрисы. Лучше.

— Не каждая актриса в этом признается...

— Наверное, это мой недостаток. Может, недооценивала себя, а может, напротив, оценивала очень здраво. А Владиславу Игнатьевичу было хорошо. Он в БДТ ни разу ни одного слова за меня не сказал. Моя творческая судьба его не волновала. К слову, и то, что мы имели по жизни, у нас было только потому, что этого хотела я. Первую квартиру получили — и прекрасно, его там все устраивало. Все уже давно переехали в другие районы, в хорошие квартиры, а мы сидели в плохой, далеко от центра. И пока я не начала пилить, он ничего не хотел делать. Прожив в Московском районе 30 лет, мы лишь к старости переехали в центр. Кроме театра, ему не нужно было ничего.

— Но и в театре со смертью Товстоногова начались проблемы — Владислав Игнатьевич почти ничего не играл.

— Так сложилось: пришли другие режиссеры, которые не видели его в своих спектаклях. Эти долгие годы муж очень страдал. Хотя, когда я успокаивала: «Ну, Владя, не переживай ты так», отвечал: «А я и не переживаю». Но я-то знала, что он ждет новой роли. И вдруг лет через пять Чхе-

ват было не на кого. При всей своей нетребовательности бытовой суеты он не переносил. Владик просил: «Давай родим», но я сказала: «Мы с тобой не справимся». Я не очень выносливый человек — на него, театр и ребенка моих сил бы не хватило. Может, была и не права...

идзе ставит «Прихвостня» Эдуардо Де Филиппо и дает Владичке роль. Потом предлагает ему сыграть Дункана в «Макбете». Мужу эта роль была неинтересна, он считал ее слишком маленькой, но согласился. С «Макбета» и началась беда. Наверное, это действительно мистическая повесть...

Болезнь подкралась неожиданно. Владичка всегда был веселым, в хо-

Владик продолжал шутить, рассказывал анекдоты, и врачи думали: ну какой же он больной? А муж просто не хотел выглядеть хворым.

рошем настроении. А тут начал приходить мрачным, сильно уставал. Вернется из театра — ложится. Я думала: все-таки 70 лет...

Потом он поехал один на небольшие гастроли в Швейцарию, вернулся грустный: «Больше нигде без тебя не поеду! Ой, как мне было трудно! Пойду гулять — прихожу больной». Однажды куда-то вышел, вернулся: «Еле дошел... Держался за стенку». Я предложила вызвать врача — «Нет, нет, у меня сегодня «Пылкий влюбленный», не надо». А самому все хуже и хуже. Я говорю — он плохо понимает. Позвонила друзьям в Военно-медицинскую академию, где Юрий Леонидович Шевченко был начальником. Приехали, сделали кардиограмму и говорят: «Мы вас забираем». Он: «Нет! У меня сегодня спектакль, никак!»

Ничего страшного... Но жизнь-то идет. Зазвонили новые костюмы для спектакля, нужно ехать на примерку. А он выглядит ужасно. Будто появилось предчувствие чего-то страшного... Приезжаем в БДТ. Вдруг он останавливается и говорит: «Наверное, я последний раз вхожу в театр». И заплакал. И такая крупная слеза покатилась...

В тот день он был в театре действительно последний раз.

Кругом были ложь и обман

— У актеров интуиция очень сильная. Неужели Владислав Игнатьевич так и не узнал о своей болезни?

— Все семь последних месяцев мы обманывали друг друга. Он чувствовал, что происходит страшное, но боялся признать мне боль. А я не хотела расстраивать его.

«Я не могу запомнить текст...» А текста — две страницы! Начинаем работать вместе, я подаю реплики, он говорит-говорит, и вдруг — затычка.

Один раз скажет, второй — не может. Я испугалась: «Помою, надо не в санаторий ехать, а обследоваться». В этот раз он согласился: «Пожалуй, ты права». Когда в Институте нейрохирургии доктор дала направление на компьютерограмму с диагнозом опухоль мозга, мне стало плохо. Пыталась гнать от себя страшные мысли, думала: этого не может быть. Но на следующий день после обследования ко мне подошел другой врач: «Должен вас огорчить...» Сейчас я даже не понимаю, как могла это выдержать, не потеряв сознание. «Ему доктору и при появлении мужа начинаю улыбаться: — Ничего страшного...»

Начала договариваться об операции. А Юрий Леонидович Шевченко сказал, что это лишь продлит его мучения... Так и вышло. Я все еще верила, надеялась, а в городе уже ходили слухи: Стржельчик обречен. После звонка доктору: «Владислав Игнатьевич угасает» — он неожиданно признался: «Так и должно быть». И я поняла, что кругом обман, а надежды бессмысленны. Из Москвы на помощь приехала моя сестра Марочка. Медсестры продолжали делать уколы, массаж, врачи смотрели его. А Владичка медленно умирал в реанимации Военно-медицинской академии.

В последний день он был совсем слабым. Я сидела у кровати, держала его ручку, утешала. А он смотрел беспомощно и понимал, что уходит. Под вечер пришла сестра: «Пойди поешь, полежи». Я: «Нет. Сегодня останусь на ночь». Она ушла, но скоро вернулась. Я врач подключилась: «Я вас умоляю, отдохните». Уговорили. Пришла домой, а через час вернулась Мара: «Владика не стало». Я не могу себе простить, что оставила его. Но, с другой стороны, я не видела самого момента смерти, и до сих пор мне иногда кажется, что он жив.